

И. Х. Шихваргер
Ярославль

Россия и её поэт.
Памяти Василия Галюдкина

17 января 2011 г. в одинокой комнате одного из ярославских общежитий тихо умер русский поэт Василий Иванович Галюдкин. Незадолго до этого, 1 октября, ему исполнилось 60 лет.

Он был русским поэтом в полном смысле слова — не только по рождению и даже не только потому, что кровно, неразрывно был связан с родной землёй, с родной культурой. Он был русским поэтом прежде всего потому, что голос его поэзии — это до боли искренний голос, которым могла говорить и высказывать себя современная Россия.

А какая она, нынешняя нестоличная Россия, увиденная через стихи Василия Галюдкина? Может быть, такая: «Цветущий тополь. Чистая река. / И деревянный мост. И крест собора. / И стая певчих птиц. И облака. / И свежий воздух. Никакого сора!» [1] А может быть, такая: «Шинные покрышки, унитазы / Захломили реченьку мою. / Столько в речку брошено заразы, / Что мне стыдно жить в родном краю» [1]. Но яснее всего, мне думается, образ современной России выражен в стихотворении Галюдкина «Цветок»: «<...> Борясь с торжествующей грязью, / Расцвёл у дороги цветок. / Он вырос не в стриженном парке: / Задворки — его отчий кров! / Возник он в мазуте, в солярке, / В суглинке, где слёзы и кровь. / В грязи его стебель зелёный, / В пыли его синий бутон. / Он дышит зловонным озоном. / Он ржавый украсил бетон. / Вот знак православной твердыни — / Отравленный стойкий цветок: / Как тянется к чистой долине / Лазурный его лепесток!» [1]

В стихах Василия Галюдкина современная глубинная Россия — чистосердечная и растерянная. Она мечется между ценностями своей истории. Мечется и русский поэт Василий Галюдкин: «Батя, батя, советскую власть / Уничтожили напрочь Иуды. / Но империю им не украсть: / Я тебя никогда не забуду» [1]. А в других стихах он прокликает большевиков (то есть советскую власть), уничтожавших храмы. А в стихотворении, осуждающем (но и понимающем) Веру Засулич, он даже о глубочайше им чтимой империи сказал: «Император с командой бездарной. / Роскошь наглая и нищета» [1]. Что уж говорить о современных высокопоставленных чиновниках и олигархах, которых он гневно называет новобоярами?! Мечется Россия. Мечется её поэт Василий Галюдкин. И он, современный русский человек — такой, как есть — обращается к Богоматери: «Прости грехи отца — грехи мои! / Я — сын земли, которой правил Ленин / Что скажет мне Господь? Благослови!» [1]

Россия в стихах Василия Галюдкина — чаще всего больная, измученная. Но в сокровенной своей глубине сохраняющая праведность. Это не праведность святых великомучеников —

почти незаметная праведность простой жизни простых людей. Вот стихотворение о соседке: «В Божий храм ходила тётя Оля, / Чтила Бога, жаловала власть, / От злословья, как и от застолья, / Уходила, чтобы в арах не власть...» [1] А вот — о женщине, незнакомой поэту: «Женщина сказала: «Помяни / Мужа моего, Петрова Пашку...» / И дала мне в тягостные дни: / Пачку папирос, печенья пачку, / Сваренных вкрутую три яйца, / Яблоко, горячее от зноя... / Не запомнил я её лица, / Но запомнил сердце золотое!» [1] И даже в пьяненьком мужичке, безропотно платящем алименты — «алики», есть робкий свет той самой тихой, естественной русской праведности: «Грустный, как журавушка, / Схоронив отца, / Не творил Иванушка / Жалобы истца! / Своей мамке Ванечка, / Получившей срок, / Чифирок и прянички / Привозил в острог. / Православный, маленький, / Пьяненький Ванёк / Всем, просившим алики, / Заплатил, чем мог!» [1]

Вот от этой чистой ноты тихой праведности идёт, как я чувствую, самое замечательное в стихах Василия Галюдкина: грустная доброта; смирение, просвеченное беззлобным юмором; мягкое, улыбочное приятие жизни, какой бы скудной и тяжёлой она ни была.

А жизнь Василия Ивановича Галюдкина действительно была тяжёлой — бесприютной, скитальческой и чаще всего глубоко одинокой. «Кто я в этом мире? Я — странник с сумой» [1], — писал он о себе, и это не было фигуральным выражением. Он действительно много скитался по русской земле. И нужно ему было всего ничего: «Весь мой скарб: полотенце, заварочный чайник, / Авторучка, блокнот, минералки бутылка» [1]. Зато было главное — свобода, воля: «Но я свободен, словно птица! / Со мной поэзия моя! / Моя душа на мир не злится! / Стихи пишу — и счастлив я!» [1] Но за свободу приходилось платить — голодом, холодом, одиночеством, болезнями. Много, много дней своей жизни провёл он в убогих госпитальных палатах, а то и в режимных корпусах больницы.

О пребывании в такой вот скудной на еду и на радость больничной палате написано одно из самых светлых стихотворений Василия Галюдкина: «Тимофей». Тимофей — это больничный таракан. О нём сказано: «В тумбочке моей мучной трофей / Каждый вечер ищет Тимофей» [1]. И не находит. Поэт ему объясняет: «Нынче нам никто не даст коврижку, / Кукиш — жребий наш, а не калач!» Но вот у поэта удача: «Мусор уберу,

помою кружки — / Санитарка даст мне две горбушки! / Тимофей, подтягивайся к койке: / Угостить тебя за честь сочту!» Вот и вся несложная история про Тимофея. Да нет, не вся! Через всё это стихотворение светлой жемчужной нитью протягивается рефрен: «*Всякое дыханье хвалит Господа!*» И поэт обращается к своему рыжему и довольно противному приятелю: «*Таракан с желудком носорога, / Я тебя не стукну, Тимофей: / Хоть дышать становится трудней, / Всякое дыханье хвалит Бога! / Тимофей, и ты за крошку хлеба / Похвали своим дыханьем небо!*» В стихотворении, в сущности, происходит чудо. Светлая духовная нить, протянутая через зачуханный больничный быт, превращает убогую жизнь в жизнь у Бога. Исчезает высокое и низкое, остаётся только эта единая жизнь, когда «*Всякое дыханье слышит Бог!*» И всё это написано с такой сердечной добротой и смиренной самоиронией... И без малейшего намёка на дидактику. Мне кажется, что стихотворение это глубоко и по-настоящему христианское...

Высокое в низком. Земная жизнь, пронизанная чувством неба. Всё это так характерно для Галюдкина! Недаром самое прекрасное, самое любимое поэтом — птицы! Их очень много в стихах Василия Галюдкина. «*Ласточка! Радость разбитой, / Сломленной жизни моей!*» [1] «*Плач иволги в родимом русском поле*»... [1] Соловецкая чайка: «*В синей бездне ты — как лодка белая*» [1]. Голуби: «*Голубок мой, голубок, / Мой небесный колобок*» [1]. Много-много воробушков (одного из них, приятеля, воробья Гену, поэт наставляет: «*И чирикай тонко, деликатно. / Не дразни злопамятных старух!*» [1]). И другие — самые разные — птицы небесные населяют, одушевляют, поднимают ввысь стихи Василия Галюдкина.

Особое же пристрастие его — к грачам. Может быть, потому, что грач похож на жизнь поэта. Он весёлый: «*Поднявшись в небо с веточки рябиновой, / Приветствовал меня весёлый грач*» [1]. И он чёрный: «*Живя на свете, я счастливым не был: / Вся жизнь моя ещё черней грачей!*» [1] В стихотворении, похожем на завещание, поэт писал, где бы он хотел найти вечный покой: «*Чтобы священником отпетый, / Лежал я, где звенит ручей! / Чтоб только было: купол, ветви, / Молитвы нищих, плач грачей!*» [1]

Книга стихов Василия Галюдкина, вышедшая к 60-летию автора и ставшая в его жизни последней, называется — «Грачи». И на обложке её — знаменитая картина Саврасова «Грачи

прилетели». Анна Ахматова сказала в одном своём стихотворении: «Когда человек умирает, изменяются его портреты». Когда умирает поэт, что-то, наверное, происходит с его книгами. И эта последняя книга Василия Галюдкина стала теперь зримым символом того прощального плача грачей, который так родственен был душе поэта...

Птицы. Небо. Рябина у дороги: «*Грустный, но светлый, осенний, / Яркий рябиновый шум...*» [1] Это всё — мир поэзии Василия Галюдкина. Мир, в котором абсолютно естественно, без ощущения границ, переходят друг в друга две родные для него стихии: русская земля и русская поэзия.

«*Это тут, в России, похоронены / Фет, Рубцов, Есенин, Тютчев, Блок...*» [1] — эти строчки завершают последнее стихотворение последней изданной при жизни книги Василия Галюдкина. Как будто, уходя, этот далеко не счастливый человек оставил нам в наследство оберег от всех несчастий: строчку с именами своих Учителей. Именно так, Учителями — с большой буквы — называл Василий Галюдкин бесконечно близких ему великих русских поэтов. Некрасов, Никитин, Суриков... Эти и другие дорогие сердцу имена в стихах Василия Галюдкина столь же необходимы ему и столь же спасительны, как и птицы. Русская поэзия для него — такой же прорыв в небо...

Особенно близок ему Николай Рубцов. Близок даже биографически — через отца Василия Ивановича, военного врача: «*Подполковник Галюдкин поэт Рубцова / В госпитальной палате когда-то лечил...*» [1] Но главное, конечно, не это. Рубцов всей своей сутью настолько родной для Галюдкина поэт, что Василий Иванович иногда совершенно естественно говорит его словами — по праву глубокого душевного и жизненного родства. Вот — у Николая Рубцова: «*Тихая моя родина! / Ивы, река, соловьи... / Мать моя здесь похоронена / В детские годы мои*» [3, с. 59]. А вот — у Василия Галюдкина: «*Это русской природы кусок, / Часть земли моей, северной Родины. / Речка синяя. Жёлтый песок. / Это тут моя мать похоронена*» [1].

В стихах Василия Галюдкина слова и строчки любимых его поэтов встречаются нередко: иногда как прямые цитаты, иногда намёком. Видимо, для него это было необходимое условие собственного отклика. Строчки эти становились нитями, протянутыми от одного поэта к другому — сквозь время.

Но иногда влияние великого поэта проявляется у Василия Галюдкина и более тонко — может быть, даже безотчётно.

Читаю его стихотворение: «Я крепко спал. И снилась мне равнина. / Зелёный холм. Вороны над холмом. / Меж лесом и рекою дом. Рябина. / Мои друзья за праздничным столом...» [1] Читаю, и подспудно во мне начинает звучать: «Лежал один я на песке долины; / Уступы скал теснились кругом, / И солнце жгло их жёлтые вершины / И жгло меня — но спал я мёртвым сном. / И снился мне сияющий огнями / Вечерний пир в родимой стороне.....» [2, с. 114] Лермонтов! «Сон». Стихотворение Галюдкина, если прочитать его целиком, по смыслу своему ничего общего с лермонтовским, совершенно волшебным, стихотворением не имеет. Василий Галюдкин пишет о своём. Пишет самое для себя главное: «Как по реке плывут большие брёвна, / Сдирая на камнях свои края, / Так медленно, мучительно, неровно / В борьбе за жизнь слагалась песнь моя!» [1] Но случайно ли то, что, начиная с описания сна, он попадает в ритм «Сна» лермонтовского? Скорее всего, этот ритм был рождён не только лежащей на поверхности ассоциацией (сон), но и глубокой внутренней потребностью. Воплотившийся в стихотворении ритм дыхания современного поэта Василия Галюдкина шёл из глубины родной ему великой русской поэзии. И, может быть, неслучайно этот ритм возник интуитивно именно в стихотворении, говорящем о жизни поэта и трудном рождении его стихов...

А поэт Василий Галюдкин был очень разный. Неровный. С прозрачной глубиной истинной лирики и тут же — с запальчивыми политическими перехлёстами. С крайностями и противоречиями. И в этом он тоже был родным сыном далёкой от спокойствия русской поэзии.

Он мог, сурово обличая мир, погрязший в злобе и несправедливости, и поэтов, которые «молчат в дни смуты», воскликнуть гневно, подобно древнему пророку: «...наступит гуд небесный. / <...> / Погибнет шар земной. Прольётся кровь» [1]. И он же мог, чувствуя приближение своего ухода, написать тихое стихотворение, как будто просвеченное последней лаской, прекрасное в прощальной своей простоте: «Звенящая роща. Сквозняк. / Зелёная роща. Опушка. / Родная земля. Берёзняк. / Четыре ежа. И кукушка. / Кончается жизнь... / Только с ней / Расстаться навеки не хочется: / Мне нравится шелест ветвей, / Какая красивая рощица!» [1]

Указующий перст пророка — и вот этот простодушный совсем детский вскрик-всхлип: «Какая красивая рощица!» Всё

это — и то, и другое — Василий Галюдкин. Он был поэтом пронзительно русским. Помянем его светло. И не забудем.

Список литературы

1. Галюдкин, В. И. Грачи : стихотворения [Текст] / В. И. Галюдкин. — Ярославль : Аверс Плюс, 2010.
2. Лермонтов, М. Ю. Собрание сочинений [Текст] / М. Ю. Лермонтов : в 4 т. — Т. 1. Стихотворения 1828—1841. — М. : Худ. лит-ра, 1975.
3. Рубцов, Н. М. Россия, Русь! Храни себя, храни! : стихи, переводы, проза, воспоминания, письма [Текст] / Н. М. Рубцов ; вступ. ст. и сост. В. В. Коротаева. — Вологда : ИЧП «Крис-Кричфалуший», 1991.